

К. В. Чистов

О ВЗАИМООТНОШЕНИИ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ И ЭТНОГРАФИИ¹

С тех пор как в 1846 г. В. Томс (W. G. Thoms)² ввел в научный обиход слово «фольклор», на разных этапах развития русской и мировой науки термины «фольклористика» и «этнография» понимались столь различно, что обзор их эволюции, так же как и различного понимания предмета этих наук и границ между ними, может иметь только исторический интерес.

Известно, что теоретическое определение границ и взаимоотношения близких или смежных наук зависят прежде всего от понимания их предмета. Вместе с тем до сих пор нет международных общепринятых определений предмета фольклористики и этнографии. Поэтому мы будем исходить из практически принятого у нас понимания предмета этнографии (история первобытного общества, этногенез, этническая история и этнические взаимоотношения между народами, их культура и быт) и фольклористики (устное народное поэтическое творчество).

Что касается понимания взаимоотношения фольклористики и этнографии или, точнее, места фольклористики в кругу общественных наук, то обычно мы встречаемся с тремя точками зрения:

а) фольклористика — наука филологическая. Подобная традиция с наибольшей силой проявила себя в немецкой фольклористике, издавна считавшейся разделом германистики. В советской науке эта точка зрения распространена также довольно широко;

б) фольклористика — наука этнографическая. Подобная традиция была особенно сильна в английской и французской этнографии. В Советском Союзе подобные взгляды высказывались еще в 1920—1930 гг.;

в) фольклористика — сугубо независимая наука. Наиболее определенно эта точка зрения недавно была высказана В. Е. Гусевым³.

Концепции эти не столь уж непримиримы. Сторонники «филологической» точки зрения, как правило, признают, что фольклор имеет «этнографические» корни, а сторонники «этнографической» сравнительно редко отрицают филологические достижения фольклористики.

Чтобы не повторяться⁴, заметим только, что, по нашему мнению, специфика фольклористики заключается именно в том, что она является одновременно наукой и искусствоведческого (точнее, литературоведческого) характера. Это прямо вытекает из природы фольклора: каждый фольклорный факт — одновременно явление народного искусства и народного быта. Поэтому, утверждая, что фольклористика — самостоя-

¹ Статья написана на основании доклада, прочитанного на советско-венгерском симпозиуме «Этнография в кругу общественных наук» (Будапешт, 7—9 октября 1970 г.).

² A. Meriton, Folk-Lore, «The Athenaeum», № 982, 22 Aug. 1846, col. 802/III-863/I.

³ В. Е. Гусев, Эстетика фольклора, М.—Л., 1967.

⁴ См.: К. В. Чистов, Фольклор и этнография, «Сов. этнография», 1968, № 5.

тельная наука с вполне определенным и обширным предметом (теория и история фольклора от его возникновения до наших дней), мы, без опасности впасть в противоречие, имеем право одновременно утверждать, что она может рассматриваться и как одна из органических составных частей этнографии, и как одна из составных частей литературоведения.

Действительно, разве можно изучить народную культуру как целостную систему, если из нее искусственно удален фольклор — один из важнейших элементов духовной культуры каждого народа? В то же время в историко-литературных построениях фольклор как исходная, изначальная стадия словесного искусства и как поэтическое творчество народных масс занимает весьма существенное место.

Двойственная (литературоведческая и этнографическая) природа фольклористики не уникальна. Совершенно так же народное изобразительное искусство изучается одновременно этнографией и искусствоведением, народное жилище — этнографией и историей архитектуры, обычное право — этнографией и историей права, традиционные сельскохозяйственные орудия — этнографией и историей техники и т. д. И вообще современные гуманитарные (а впрочем, далеко не только гуманитарные) науки, как правило, располагаются в системе наук не как замкнутые, плотно прилегающие друг к другу квадраты, а как взаимопересекающиеся окружности, образующие общие сегменты, в равной степени остающиеся частью площади как одной, так и другой науки.

В упомянутой уже статье «Фольклор и этнография» мы пытались показать, к каким промахам может привести и подчас приводило исследователей одностороннее «филологическое» или «этнографическое» изучение фольклора. При этом мы исходили из мысли, что изучение фольклора в любом случае должно быть фольклористическим, т. е. комплексным, одновременно и литературоведческим, и этнографическим. Суть фольклористического метода, если его сформулировать кратко, состоит в изучении типичных художественных структур в их традиционном бытовом функционировании.

Настаивая на «независимости» фольклористики и от литературоведения, и от этнографии (хотя одновременно, разумеется, признавая их связи), В. Е. Гусев в книге «Эстетика фольклора» напоминает о том, что фольклор — искусство не просто словесное, а особое, полиэлементное. Элементы словесные находятся в фольклоре в органическом сплаве с музыкальными, мимическими, хореографическими и т. д. Поэтому, говорит он, фольклористика должна быть комплексной наукой, должна выработать комплексный метод, который соответствовал бы полиэлементной природе фольклора.

Соображения эти нельзя не признать весьма основательными, но все-таки, пожалуй, с одной существенной оговоркой. Дело в том, что эта полиэлементность неравномерна в различных жанрах. Известны жанры, в которых слово не сочетается с мелодией, — такова, например, вся обширная область фольклорной прозы (сказки, предания, легенды, былички, мемораты); большинство поздних фольклорных жанров не имеет никакого отношения к хореографии и т. д. С другой стороны, слово может сочетаться с элементами изобразительного искусства (маска, лубочная картина, сюжетные картинки на стекле и т. д.), о которых В. Е. Гусев вспоминает значительно реже. Поэтому мы стоим перед выбором: называть фольклором всю широкую область народного искусства, включая инструментальную музыку, изобразительное искусство, танец и т. д., либо употреблять термин «фольклор» в более узком и в более привычном для русской науки смысле. По нашему мнению, из обширнейшей области народного искусства должны быть выделены те его виды, которые связаны со словом, разумеется, со словом фольклорным, т. е. звучащим, произносимым, вступающим в неизбежные, разнообразные и

живые соотношения с элементами интонационными (вплоть до мелодии) и мимическими (вплоть до хореографии). Проблема состоит, таким образом, не в выборе терминов, а в конечном счете в признании того, что различные формы народного творчества, связанные с языком, образуют специфическую область (народная поэзия, *Volksdichtung, tradition orale*), которая подлежит изучению особой наукой.

С литературоведением и этнографией в отличие от диалектологии, музыковедения, театроведения, хореографии фольклористика не просто вступает во временные боевые союзы, а находится в органическом родстве. Развивая эту метафору, можно было бы сказать, что фольклористика — родная дочь этнографии и филологии. Став взрослой и самостоятельной, она не может перестать быть дочерью и не должна добиваться еще большей самостоятельности ценой потери родственных отношений с родителями.

Современное понимание взаимоотношений между фольклористикой и этнографией должно основываться не столько на историческом опыте науки (о его относительной ценности мы уже говорили) и не на отвлеченно-логических соображениях, или этимологическом анализе терминов, а на определенном понимании роли и места фольклора в системе народного быта.

Трудность подобного подхода заключается в том, что в различные исторические периоды фольклор играл далеко не одинаковую роль в народном быту и поэтому невозможно сконструировать формулу, которая охватила бы эти соотношения на разных этапах развития народной культуры.

История фольклора длительна и сложна. У разных народов она имела свои особенности, свой темп развития, свои соотношения эстетических и внеэстетических функций, свои варианты жанровых форм, сюжеттики, стилистики, исполнительского мастерства и т. д. Поэтому у разных народов на примерно одинаковых стадиях развития фольклора роль его в народном быту могла существенно различаться. Однако для общего решения вопроса о взаимоотношении фольклористики и этнографии мы можем отвлечься от этих особенностей. Выделим только некоторые принципиальные линии развития, имеющие значение для нашей проблемы.

Известно, что наиболее раннее из представимых состояний духовной культуры в целом и фольклора в частности характеризуется так называемым архаическим синкретизмом. Зачатки словесно-поэтического творчества, музыки, хореографии, изобразительного искусства, религии, науки, бытовых обрядов находились по отношению друг к другу в недифференцированном состоянии, образовывали единый и органический синкретический комплекс духовной культуры. В основе этого синкретизма лежало отсутствие развившегося позже общественного разделения труда в сфере духовного производства.

Вся архаическая духовная культура имела бытовой характер, т. е. вся она производилась и потреблялась в рамках рода, племени, общины всеми их членами повседневно (или, точнее, в ритме определенных календарных закономерностей).

Фольклором на этой стадии можно считать все формы духовной культуры, связанные с языком. Подчеркнем, что речь идет о духовной культуре, т. е. о языковых явлениях, которые в отличие от повседневной речевой практики воспроизводились в традиции. При этом следует учитывать, что фольклор — вторичная языковая система, пользующаяся языком (первичной знаковой системой) как материалом. Следовательно, речь идет о явлениях, представляющих собой тексты, воспроизводящиеся в традиции, либо о сюжетах, мотивах, так называемых общих местах (внутритекстовых стереотипах), стилистических средствах и т. д., тоже выработанных традицией. Фольклор на этой стадии играл интегрирующую

щую роль, был основной формой выражения мировоззрения и самосознания социально-этнической общности.

Архаическая стадия характеризуется также «внутренним» синкретизмом фольклорных явлений — недифференцированностью жанров в функциональном и структурном отношении, полиэлементностью наиболее активных форм.

Таким образом, при изучении ранних стадий развития общества фольклористика и этнография не только не отделимы одна от другой, но и не могут быть дифференцированы даже теоретически, так как вся духовная культура народов, переживавших эти стадии, составляла органически сплавленный воедино синкретический комплекс.

Все дальнейшее развитие духовной культуры было сложным и длительным, неравномерным и противоречивым процессом, суть которого может быть вкратце охарактеризована следующими чертами⁵:

а) с развитием общественно-экономической структуры общества происходит постепенная дифференциация форм духовной культуры — функциональная, социальная, структурная, жанровая и т. д.;

б) развитие разделения труда в области духовного производства приводит в конечном счете к расщеплению духовной культуры на два слоя — условно говоря, профессиональные формы и бытовые формы духовной культуры;

в) профессиональные формы духовной культуры постепенно вычлениаются из быта. Только в позднейший период (в эпоху капитализма и особенно в условиях социализма) с ростом грамотности и развитием современных средств массовой коммуникации они начинают «потребляться» в народном быту наравне, а потом активнее, чем традиционные бытовые фольклорные формы;

г) дифференциация форм духовной культуры сопровождается развитием эстетических функций фольклора.

Процесс этот недостаточно изучен, но уже сейчас можно говорить о существенных отличиях феодального и послефеодального периодов. В фольклоре феодального периода эстетическое начало играет первостепенную роль (жанрообразующую, сюжетообразующую, стилеобразующую и т. д.) в сравнительно небольшом количестве жанров (сказка, эпос, позже — лирическая песня), которые вместе с тем постепенно выдвигаются на первый план. Однако и в них обычно эстетическая функция сопрягается с какими-либо внеэстетическими функциями (в сказке — с функциями дидактическими, в героическом эпосе — познавательно-историческими и публицистическими и т. д.). Вместе с тем фольклор продолжает оставаться явлением полифункциональным. Продолжают существовать и развиваться фольклорные жанры, в которых определяющую роль играют функции внеэстетические и одновременно бытовые: заговоры и заклинания, семейные обрядовые и календарно-обрядовые жанры, несказочные жанры фольклорной прозы и т. д.

Только в послефеодальный период функции фольклора начинают постепенно сужаться. Фольклор в современном быту европейских народов играет все в большей мере преимущественно эстетическую роль (народная песня, устный рассказ, анекдот, пословица и поговорка) или выполняет функции, по тем или иным причинам не замещенные профессиональными формами. Вторичные внеэстетические функции при этом (этическая, публицистическая, познавательная и т. д.) обычно теряют всякую связь с обрядом.

Таким образом, при изучении феодального периода функции фольклористики и взаимоотношение ее с этнографией обретает наибольшую

⁵ Мы выделяем только те черты, которые представляются нам особенно важными для решения нашей основной проблемы — взаимоотношения фольклористики и этнографии.

ясность, так как с наибольшей четкостью выделяются собственно фольклорные формы, и в то же время они безраздельно господствуют на протяжении всего периода в быту народных масс. Именно при изучении фольклора феодального периода в наибольшей степени реализуются те взаимоотношения фольклористики и этнографии, о которых говорилось выше.

В послефеодальный период, как мы уже говорили, складывается более сложная ситуация. Понимание соотношения фольклористики и этнографии в приложении к изучению этого периода зависит прежде всего от общей оценки роли и задач этих наук по отношению ко всему послефеодальному периоду, включая современность.

Мы придерживаемся такой точки зрения: при изучении обществ, для которых характерны недифференцированные формы культуры и отсутствие общественного разделения труда, предметом этнографического изучения является вся культура, созданная изучаемым этносом, потому что все формы культуры возникают и существуют как бытовые. Совершенно также и при изучении обществ, которым свойственны развитые и дифференцированные формы, предметом этнографии (соответственно и фольклористики) остаются бытовые формы культуры, т. е. формы культуры, функционирующие в быту, прежде всего в народном быту.

Если признать такую точку зрения, то для фольклористики и этнографии возникает сходная проблема. Минуя детали и оттенки, можно сказать, что в конечном счете она может быть сформулирована так: должны ли обе науки изучать только формы, бытовые по происхождению и в этом смысле традиционные, или же любые формы и явления культуры, функционирующие в народном быту?

Подобно тому как специалистам по материальной культуре при изучении послефеодального периода и по мере приближения к современности приходится все меньше иметь дело с технологией производства предметов (жилище, интерьер, одежда, пища и т. д.), бытующих в народном обиходе, так как ею занимаются специальные отрасли науки или техники, а сосредоточиваться на исследовании процесса их освоения человеком и механизма их функционирования в народном быту, так и в фольклористике, изучающей современную словесно-художественную культуру на бытовом уровне, удельный вес литературоведческих проблем не может не падать, а проблем социологических, социально-психологических или культурно-психологических — не возрастать.

Если принять эту точку зрения, то задачи фольклористики при изучении послефеодального периода (включая современность) можно было бы сформулировать следующим образом:

а) изучение судеб традиционных бытовых форм, их продуктивности или изживания под влиянием конкретных социально-экономических и этнокультурных ситуаций;

б) изучение функционирования в быту народа профессиональных форм, механизма их фольклоризации (т. е. вхождения в быт и бытовую традицию) и их взаимодействия с традиционными бытовыми формами;

в) изучение места и роли фольклорной традиции или ее элементов в общей системе духовной культуры этноса (в масштабах современной нации, народности, этнической группы и т. д.).

Таким образом, и для позднефеодального периода задачи этнографии и фольклористики по-прежнему совпадают в своих общих чертах, и фольклористика, сохраняя свой специфический предмет и действуя присущим ей комплексным литературоведческо-этнографическим методом, остается самостоятельной наукой, являясь в то же время одной из составных частей этнографии (так же как и литературоведения).

И наконец, последний вопрос, которого мы предполагали коснуться.

Известно, что этнография исследует не только проблемы истории народной культуры (подчеркнем еще раз — на бытовом уровне!), как

таковые. Для нее чрезвычайно важен этнический аспект изучения культуры, проблемы этногенеза, этнической истории, этнических взаимоотношений (т. е. по существу опять-таки проблемы этнического сознания и этнических взаимоотношений на бытовом уровне). И в этом отношении изучение фольклора представляет для этнографии огромный интерес.

В отличие от большинства элементов материальной культуры духовная культура детерминируется социально-экономическими факторами в целом не столь жестко и непосредственно, поэтому этническое начало, этническая специфика, этнические традиции выявляются здесь с большей четкостью и определенностью, получают большой простор.

Не случайно национально-романтические движения второй половины XVIII — первой половины XIX в. в Европе и национально-романтические движения XX в. в Азии и Африке с такой страстью обращались и обращаются к фольклору своих народов, а участники этих движений собирают, изучают его, используют его во всех видах и формах молодого национального искусства и литературы.

И все же проблема не столь проста. Специфические этнические традиции в фольклоре, так же как и в других сферах народной культуры, сочетаются с проявлением более общих — общечеловеческих закономерностей, характерных для определенной стадии социально-экономического развития, конкретного хозяйственно-культурного типа, типичной этнокультурной ситуации, региональных закономерностей и т. п.

Напомню об одном весьма красноречивом историческом парадоксе. Знаменитый сборник немецких сказок братьев Grimm «Детские и домашние сказки», сыгравший, как известно, выдающуюся роль в истории мировой фольклористики, по замыслу составителей должен был продемонстрировать прежде всего немецкие фольклорные традиции, их ценность и своеобразие как проявления древнегерманского духа. Ныне же в сознании каждого фольклориста и этнографа сборник братьев Grimm неотделим от пятитомного комментария, составленного И. Больте и И. Поливкой⁶. Этот комментарий представляет собой прежде всего сводку международных параллелей к сюжетам сказок, вошедших в сборник Гриммов. Выяснилось, что подавляющее большинство их имеет близкие аналогии в сказочной традиции других европейских народов, а подчас и народов других районов земного шара.

Вообще, как это ни показалось бы странным современникам братьев Grimm, международная фольклористика сейчас значительно сильнее оснащена инструментарием, помогающим учесть фольклорные элементы (мотивы) или комплексы элементов (сюжеты), имеющие не национальный, а именно международный характер или распространенные в пределах какого-либо региона (ареала, историко-этнографической области). Так, например, фольклористами опубликованы многочисленные национальные указатели сказочных сюжетов (в том числе также венгерский и русский). Основные из них сведены в единый международный указатель (каталог) сказочных сюжетов по системе Антти Аарне, получивший известность как указатель Аарне-Томпсона⁷. Каждому сюжету присвоен номер, известный и понятный фольклористам всех стран мира.

В настоящее время ведется работа над подобным же указателем (правда, пока только европейским) народных преданий и легенд. Известно, что большинство преданий, бытующих в той или иной этнической среде, имеет очень конкретные приурочения — хронологические,

⁶ «Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm», I—V Leipzig, 1913—1931.

⁷ «The types of the Folktale», Helsinki, 2 ed., 1964.

социально-географические; многие из них связываются с деятельностью известных исторических лиц и т. д. И тем не менее сюжеты их имеют поразительные аналогии в фольклоре других народов, иной раз совсем не соседних, не родственных и не общавшихся друг с другом. Не объяснены в указатели, но по существу тоже выявлены и учтены сюжеты, имеющие международный характер и свойственные повествовательным жанрам песенного характера — героико-эпическим и историческим песням и балладам. Вместе с тем создан международный внежанровый указатель мотивов⁸.

Значит ли все это, что в фольклоре все интернационально и никаких этнических особенностей фольклорной традиции не существует? Отнюдь нет! Утверждать это было бы так же рискованно и односторонне, как и утверждать прямо противоположное.

История фольклористики с первых десятилетий ее существования представляет собой смену и вместе с тем сосуществование направлений, одни из которых стремились выявить закономерности и механизм возникновения сходных явлений в разных этнических средах, а другие — объяснить фольклорную традицию того или иного народа в связи с особенностями его собственной истории, культуры, психологии. Направления эти обычно противоборствовали, причем подчас очень остро и непримиримо. Каждое из этих направлений возникало по определенным историческим, социальным, политическим или другим причинам и имело свои достоинства и недостатки. Анализировать их не входит в задачу настоящей статьи. Нам важно было только подчеркнуть, что по существу большинство из этих направлений могли бы сотрудничать друг с другом на основе диалектического понимания сложного исторического процесса, дающего все основания и для этнического, и для интернационального аспектов.

Современная фольклористика не сомневается в том, что на примерно одинаковых стадиях общественно-экономического и культурного развития в различных этнических средах могут возникать сходные явления. Вместе с тем она не отрицает и реальности культурного обмена между народами. Он тоже осуществляется при определенных условиях и имеет свои исторические причины. Чужое усваивается в тот момент, когда могло быть создано сходное свое. Утверждая это, я не открываю ничего нового. Вместе с тем существует предубеждение, которое следует преодолеть и фольклористам, и этнографам. Оно мешает дальнейшему развитию общей теории соотношения этнического и межэтнического, общего и своеобразного в культуре народов. В его основе лежит неправильная оценка этнического своеобразия культуры народов как явления, будто бы обязанного состоять только из уникальных элементов или черт, абсолютно неповторимых, даже непредставимых у других народов. Между тем теоретически таких элементов вообще может не быть, любой из них может с таким же успехом возникнуть как в одной, так и в другой этнической среде. Своеобразие духовной культуры отдельных народов может быть выявлено и изучено не на уровне «элемент—комплекс элементов» (как в приложении к фольклору «мотив—сюжет»), а на уровне, либо более высоком, либо более низком. В первом случае мы имеем в виду общее своеобразие развития фольклора изучаемого народа, соотношение и границы жанров в определенный исторический период, круг и своеобразие его связей с другими народами, время формирования основных жанров и степень их развития, соотношение локальных и общенациональных явлений и т. д., во втором — национальную обработку сюжетов, устойчивые контаминации, своеобразие разработки образов действующих лиц, конкретные черты художественной среды, рисуемой в сказках, эпических песнях, балладах и т. д.,

⁸ S. Thompson. Motive-Index of Folk-Literature, Copenhagen, 1959.

